

Владимир Шкунденков

**ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ**

Москва - 2016

Владимир Шкунденков

**ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ**

Москва-2016

Шкунденков Владимир Николаевич **ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ**

– М.: ИП Скороходов В.А., 2016. – 32 с.

Автор – доктор технических наук, директор международного Научного центра исследований и разработок информационных систем (CERN – JINR Collaboration).

CERN – Европейская организация ядерных исследований
(ЦЕРН, Женева, Швейцария);

JINR – Объединённый институт ядерных исследований
(ОИЯИ, Дубна, Россия).

У этой книги могло появиться другое название – «Какая странная судьба...». Её материалы были предназначены для сборника от разных авторов – выпускников 1961 года радиотехнического факультета Московского энергетического института. В сборнике каждому предлагалось изложить результаты его деятельности за прошедшие 55 лет. И это было выполнено автором данной публикации, однако материалы автора стали самостоятельной книгой. Причина этого – статья, вошедшая в книгу: Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков: «Иррациональное управление сжатием времени».

* * *

«Где вы видели, Владимир Николаевич, чтобы это [управление сжатием времени] уже было открыто на Западе? А это значит, что вас не поймут никогда», – было сказано автору профессором Михаилом Григорьевичем Мещеряковым, создателем первого отечественного ускорителя – синхроциклотрона в Дубне (1949 год). Изданием материалов этой книги автор, образно говоря, «вызывает огонь на себя».

Владимир Шкунденков – студент-дипломник радиотехнического факультета
Московского энергетического института (ноябрь 1960 года)

ISBN 978-5-9907734-3-1

© Шкунденков В.Н
© ИП Скороходов В.А.

ШКУНДЕНКОВ Владимир Николаевич

1. До поступления в Московский энергетический институт

Родился 27 марта 1938 года в Красноярске. В мае был репрессирован отец Николай Михайлович (1913–1954), работавший машинистом на паровозе. На «суде» отец выбросил стукача-доносчика в окно со второго этажа. Затем были лагерь строителей Комсомольска-на-Амуре и побег (переплыл Амур в октябре, простыл, сдался), в 1941 году пошёл на войну в штрафбат, попал к партизанам, воевал, после войны его опять «определили» в лагерную систему, в 1953 году был амнистирован (привожу его письмо в Приложении – [1]), работал директором кирпичного завода где-то в Сибири, умер от болезни в июле 1954 года, а уже через несколько дней пришло извещение о его реабилитации; в том же 1954 году «его» стукач получил 25 лет тюрьмы. Мои воспоминания об отце связаны с одним-единственным эпизодом: 1 мая 1938 года (мне один месяц) он входит, держа меня на руках, в дверь комнаты, посередине которой был накрытый праздничный стол. И это всё. Меня воспитывали мать Евдокия Фёдоровна Кашкова (1915–1988) и родная сестра отца Елена Михайловна Короткова (1910–1997), бывшая директором женской школы № 3 на улице Пушкина в городе Уфа (откуда я в 1955 году приехал на учёбу в Москву) и сыгравшая особую роль в моей жизни. «Ведь ты – русский!» – говорила она мне. Это была представительная женщина, которую за глаза звали «царь-баба». У неё и её мужа Бориса Вениаминовича были сын Юра (1931 года) и дочь Людмила (1939). Юра поступил учиться в Московский энергетический институт на гидро-энергетический факультет, после первого курса стал вратарём студенческой сборной Москвы по футболу и в 1949 году выступил соперником Льва Яшина, когда подбирали вратаря на смену стоявшему на воротах московского «Динамо» Алексею Хомичу. Выбрали моего двоюродного брата, но он уступил место 20-летнему рабочему Яшину. Потом сомневался, но игру Яшина любил. По линии отца моё происхождение – Псков (бабушка Анна Ефимовна) и Смоленская губерния – дед Михаил Фомич, один из героев защиты Порт-Артура в Русско-японской войне (1904–1905). Из рядового солдата поднялся до унтер-офицера. Был в плену в Японии, потом его как героя привезли на пароходе в Одессу, где он царским указом получил 5000 рублей золотом. Связался с большевиками и был выслан в Новосибирск, где на центральной улице Красной был его дом. Под Новосибирском родились мой отец и его брат Пётр, который был солдатом-пехотинцем и погиб на фронте. Дед в 82 года в 1946 году служил сторожем на складе и был убит бандитами. По линии матери след моей семьи уходит в Польшу, откуда мои предки – богатые шляхтичи Кавыль-Кашковские бежали в Россию в конце XVIII века во время восстания поляков под предводительством генерала Тадеуша Костюшко. Перед революцией 1917 года это были помещики на севере Оренбургской губернии. Теперь это юг современной Башкирии, на карте можно найти основанный с участием моего прадеда по имени Семён посёлок с названием Семёно-Петровское. Рассказываю это потому что мне нравится линия отца (я похож) и не очень нравится влияние польской крови – эта их достававшаяся мне скрытная гордость. Да ещё и тигр-овен – всё туда же. Мать как жена репрессированного «врага народа» меняла города – Гродно (1944, вслед за наступающей Советской армией), потом Вильнюс (1946) и, наконец, Уфа (1949). В сентябре 1945 года, когда начал учиться в школе, взял первый в своей жизни обет молчания – на 10 лет, задавшись желанием получить по окончании учёбы золотую медаль. Учился неровно, но золотую медаль в школе № 11 Уфы получил – влюбился на балу во время весенних каникул в 1954 году в красавицу-татарку, шедшую на золотую медаль (она поступит в МГУ), заставил себя стать отличником, да ещё пришлось пересдать две «четвёрки», за 7 и 9 классы. Тогда же закончил семилетнюю музыкальную школу по классу фортепиано и вошёл в две сборные города Уфы – по лыжам (3-й разряд) и по гребле (2-й юношеский разряд). Был претендентом на звание чемпиона России по гребле. В возрасте 10 лет собрал детекторный радиоприёмник, а в 1954 году – 2-х ламповый приёмник. Что и стало причиной поступления на РТФ МЭИ – этот выбор сделал, когда уже приехал в Москву, где после МЭИ работал инженером-строителем и жил в бараке в Перово мой брат Юра.

2. Учеба на радиотехническом факультете МЭИ (1955–1961)

Разочаровавшись в золотой медали (Лев Толстой: «Товарищ прокурора был от природы очень глуп, но сверх того имел несчастье окончить курс, в гимназии с золотой медалью»), я метался во время учёбы на РТФ. Дважды получал «двойки» – на 2-м и на 4-м курсах, сидел без стипендии (подрабатывал грузчиком на складе досок мебельной фабрики), последние 3 семестра не был ни на

одной лекции (с начала 1959 года). Сдавал экзамены по чужим конспектам. Но зато много занимался спортом (беговые лыжи). Вошёл во 2-ю сборную МЭИ, провёл три лета (1956, 1957 и 1958 годы) в спортивном лагере МЭИ в Фирсановке. Эти годы (особенно 1957-й) стали лучшими в моей жизни. Там я влюбился в девчонку-баскетболистку, о чём осенью 1971 года написал повесть – «Чёрное озеро», которую долго не показывал никому. Но через пять лет показал её в рукописи понравившейся мне молодой 28-летней женщине, которая потом стала моей второй женой. Но вернёмся к учебе в МЭИ. Я всё делаю *по настроению*. Так, на первом курсе я задался целью – сделать наш курс спортивным и стал проводить лыжные соревнования между группами. На 3-ем курсе мы стали чемпионами МЭИ по лыжам среди 50-ти таких же курсов. На следующий год за это меня избрали членом комсомольского бюро нашего курса. (Потом, работая в Объединённом институте ядерных исследований в Дубне, я стану первым заместителем секретаря комитета комсомола в ОИЯИ, в 1963–1965 годах, и даже получу приглашение перейти на работу в ЦК ВЛКСМ – от 2-го секретаря ЦК Бориса Николаевича Пастухова, предложив выдавать до 1 % от стоимости хоздоговоров наличные деньги для «взятки на доверии». Что в разы экономило бы «безнал». Тогда же я создал спортивную лыжную секцию в Дубне, которая пережила «разгромные» 1990-е годы.) Перестав ходить на лекции с начала 1959 года, я стал много читать и ходить (множественно, чтобы что-то понять) в Третьяковскую галерею и Пушкинский музей. Учил наизусть сказки Андерсена и стихи Пушкина, Есенина и Блока. Как попавший после 5-го курса в число 20-ти самых отстающих студентов курса, я не получил приглашения на дипломную практику ни на одну из кафедр в МЭИ и был прикомандирован к а/я 4122 (сегодня это Московский научно-исследовательский телевизионный институт) на Гольяновской улице. Мне дали задание – внедрить результаты кандидатской диссертации начальника нашего отдела (идея создания черезточечной строчной развертки для передачи с повышенным качеством изображений неподвижных карт на экран телевизионного монитора). Я нашёл (увидел) ошибку в диссертации (в ней не было учтено, что время формирования полного раstra на экране монитора длится доли секунды, а за это время температура в помещении ещё никуда не уходит и потому её вообще не надо стабилизировать – расчёт требования к стабильности генератора точек был «коньком» в диссертации) и решил эту задачу настолько просто, что при защите диплома мне не хотели ставить оценку выше 3-х баллов. («А что здесь сложного?») Еле-еле защищавшие меня специалисты из НИИ уговорили комиссию на 4-ку. Ну а я получил предложение – остаться на работу в Москве. Для чего надо было каким-то образом мне, «простой дворняжке», получить московскую прописку, что было по тем временам безнадежным делом. Но я поехал в посёлок Подрезково, где нас, лыжников, тренировали в беге по склонам оврага, и ведь – наивный – получил её (прописку)! Просто понравился хозяевам одного дома. Снял в декабре 1960 года 6-метровую комнату за 200 рублей в месяц. При том что стипендия была 500 рублей в месяц и в НИИ мне платили зарплату техника – 700. Я даже мог позволить себе посещать рестораны в соседних Химках, где обед с рюмкой водки на столе с белой скатертью стоил 30 рублей. Уже через месяц после защиты диплома в марте 1961 года я женился на девочке из Библиотечного института (Левобережная), которая за год до этого побывала у нас на танцах на 5-м этаже в общежитии РТФ на улице Лефортовский вал. Это была моя первая жена Зоя. На свадьбе в Подрезково были Олег Волков, Толя Надточеев, Вася Щербаков, наш лучший гитарист (я тоже играю), Эдик Лапчик – через 10 лет он начнёт работать со мной в Дубне – и (уже не помню) кто-то ещё. В октябре 1962 года у нас должна была родиться моя первая дочь – Ирина (вторая – Маша появится в 1972 году, с ней мы в 2004 году будем исследовать изображения параллельного мира; она чуть не погибнет). И это стало причиной, по которой я перебрался на работу в ОИЯИ (Дубна), где мне дали комнату в 2-х комнатной коммунальной квартире. С этого времени я работаю в Дубне. А с Подрезково меня связывает мистическая история – здесь я снова снимал комнату, когда встретил мою будущую вторую жену – Людмилу (1947), хорошо известную нашему кругу из полтора десятка выпускников РТФ-55, которые (сначала это было по инициативе Бориса Пашкова, а со временем перешло к Лиде Лобановой) не реже 3-х раз в году собираются вместе «за столом». Через 35 лет после «бесконечного» количества раз поездок в овраг с речкой Сходня, протекающей между Подрезково и городом Сходня, я открою, что здесь живёт, как я это утверждаю, дух победы на Куликовом поле (1380 год). Об этом я пишу в своих книгах (их более 20), издаваемых ограниченным тиражом – в них я пытаюсь разобраться в своих *настроениях*, связанных с объяснением применяемого мной с 1973 года подхода с управлением сокращением затрат времени (сжатием времени) в 10 и более раз при выполнении сложных прикладных научных разработок. У моих двух дочерей тоже по дочери, 1989 и 1990 годов рождения, Анна и Ольга. Анна окончила университет «Дубна» и сейчас она и её муж (оба программисты) продолжают учёбу и работают

в Калифорнийском государственном университете Лос-Анджелеса (США). Ольга с мужем, историком по образованию, живут и работают (она – клерком в одном из банков) в Москве.

Дочь Людмилы – Татьяна (1973), ставшая моей приёмной дочерью, живёт с мужем в Женеве, работает там, где требуется русский язык при её знаниях французского и английского. У них две дочери (наши внучки) – Света (1995), учится в Женевском университете, и Ксения (2000) – по моему мнению, будущая писательница в стиле психологической фантастики (Приложение – [2]). Муж Татьяны – Ростислав Титов попал в 1995 году, когда был ещё студентом факультета АВТФ в МЭИ, в ЦЕРН и стал там за эти годы специалистом такого высокого класса в области создания программного обеспечения (административные информационные системы – электронный документооборот и другие), что получил – первый за всю историю ЦЕРНа среди русских программистов – место постоянной работы и швейцарский паспорт. Я к этому никакого влияния не приложил, только взял его за неимением другого варианта в декабре 1995 года на 3 недели в командировку в ЦЕРН, где мы в это время развивали созданную всего за один месяц систему контроля финансов ЦЕРНа (два миллиона долларов в день), над которой специалисты ЦЕРНа работали безуспешно 4 года и планировали работать ещё 2 года. А я предложил им применить основанный на русской культуре, вобравшей в себя православие с его «отрицательным» поиском Бога (надо отбросить всё, что Богом являться не может; тогда останется как главное – таинственная Красота) метод сжатия времени, основанный на поисках *красоты* решений в самом начале выполнения научных разработок. Это позволяет создавать *уже пригодное для эксплуатации* «ядро» разрабатываемой системы с затратами на уровне, открывающем возможность работать в 10 и более раз быстрее западных специалистов. Для этого я использую поиск проявлений Красоты в культуре православия – в интерпретации к науке это звучит так: *не делать ничего, что можно не делать*. Практика показывает, что «не делать» на пути создания такого «ядра» можно до 99 %. На этом подходе я пробился в ЦЕРН в 1994 году, когда у них был кризис в работах по созданию административных информационных систем, а без их применения было бы не создать Большой адронный коллайдер.

3. Работа с 1962 года в Объединённом институте ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна)

В ОИЯИ я начал работать с осени 1962 года рядовым инженером, в задачи которого входило создание и обслуживание электронной аппаратуры в одном из физических экспериментов на ускорителе – синхроциклотроне, созданном в 1947–1949 годах по инициативе от И.В. Курчатова (создававшего в это время атомную бомбу) под научным руководством Михаила Григорьевича Мещерякова, ставшего за успех с этой разработкой членом-корреспондентом АН СССР (1951 год). В ноябре 1964 года в ОИЯИ проводилась международная конференция по физике высоких энергий, на которую приехали специалисты со всего мира – в том числе из США и ЦЕРНа. Одним из направлений на конференции было создание сканирующих систем для прецизионной обработки фотоизображений, получаемых на ускорителях с применением так называемых трековых камер – до 100 000 снимков в одном эксперименте. Я прослушал доклады и внёс своё предложение – о создании сканера на основе управляемой от компьютера электронно-лучевой трубки (с применением которой происходит считывание информации с просвечиваемых негативов с изображениями ядерных событий в трековых камерах). И оказался победителем в объявленном конкурсе – предложил создать два параллельных оптических канала для расщепления света от ЭЛТ, с применением в них прецизионных оптических решёток на стекле – дифракционной и в виде наклонной линии (что снимало проблему точности измерений координат X, Y из-за нестабильности развёрток луча ЭЛТ). Этому способствовало то, что до этого я работал в Москве в телевизионном институте и имел дело с электронно-лучевыми трубками высокого разрешения. Но также при выполнении расчётов мне помогло владение теорией вероятностей – после МЭИ я сам прошёл весь курс математики от учебника по алгебре Киселёва (за 5-й класс) до книги по теории вероятностей Елены Вентцель. Позже это позволяло мне создавать электронные (а затем и оптические) схемы без этапа доводки, что сокращало в инженерных разработках сроки в 3 раза при гарантии ~ 100-процентного успеха. Но можно ли рядовому мальчишке-инженеру на самой низкой инженерной должности вступать в соперничество с целыми институтами, которые занимались созданием сканирующих систем? Тогда я ещё, правда, не знал, что эти работы ведутся в примерно 200 научных лабораториях мира и что затраты на их выполнение в течение двух десятилетий составят полмиллиарда долларов. Один из физиков посоветовал мне поговорить с М.Г. Мещеряковым, который как представитель «сталинской школы» был понижен за это «по доносику» в ЦК в 1956 году до уровня начальника научного сектора. Вот как вспоминается тот мой первый визит к М.Г., как его называли в Дубне:

За огромным столом, покрытом тёмно-зелёным сукном, сидел огромный, похожий на льва, человек. Я рассказал о моей проблеме и услышал от него то, что до этого не говорил мне никто: «Это очень важная, сложная, но и по-настоящему интересная научная проблема. Беритесь за неё и решите её!» Через 25 лет он станет моим заместителем по руководству научной темой в ОИЯИ. Как уже сказано выше, в 1960 – 1970-х годах созданием сканирующих систем занимались в ~ 200 научных лабораториях мира. Но только в 4-х из них будут созданы всего 7 оригинальных и внедрённых систем. Три системы будут созданы в ЦЕРНе, две – в США и ещё 2 будут созданы мной – АЭЛТ-1 (1973 год) и АЭЛТ-2/160 (1980). При том что в Англии, Германии, Франции, Италии и Японии не смогут создать ни одной *новой* системы. Мои успехи были связаны с созданием мной в 1973 году под давлением от М.Г. метода сжатия времени. В феврале того года М.Г. потребовал от меня выполнить разработку программы распознавания измеряемых изображений в течение менее одного года, при том что программисты-профессионалы не смогли выполнить эту работу за 5 лет. Из-за этого я даже хотел покончить с жизнью, такой была свалившаяся на меня несправедливость. Тогда я, не имевший никакого отношения к разработкам программ для компьютеров, всё же взял себя в руки (решил *не спешить*), разобрался с языком программирования «ассемблер» и выполнил эту разработку всего за 2 месяца. За что был лишён (как «обманщик») квартальной премии, а затем, после обработки в течение 2-х летних месяцев 20 000 снимков, получил ещё один «подарок» – внесённое моими оппонентами предложение про понижение меня в должности с руководителя группы до простого научного сотрудника. Но последнее у них не вышло – меня защитил М.Г. А до этого М.Г. послал меня в ноябре 1969 года на полугодовую стажировку в ЦЕРН, где создавали ставшую лучшей в Западном мире сканирующую систему на электронно-лучевой трубке ERASME. С помощью шести этих систем затем будет обработано 3000 000 фотоизображений с Большой Европейской пузырьковой камеры. А на мою долю выпала честь принять участие (оказавшееся ключевым) в создании блока динамической коррекции фокусировки и астигматизма электронного пучка в ЭЛТ, позволившего достичь разрешающей способности в 7000 линий (телевизоры сегодня имеют менее 2000 линий). За этот успех мне было дано, с подачи от ЦЕРНа, разрешение Госдепартамента США иметь доступ к закрытым для СССР технологиям. Так была создана моя вторая система – АЭЛТ-2/160 (1980 год), которая, построенная на русском подходе с поисками *красоты*, стала лучшей в мире. И позволила исследовать параллельный мир (2000 год). Моей вечной проблемой был крайний индивидуализм, или, как его обозначал К.Э. Циолковский, «русский космизм». Так, главным в этом подходе является найденная около 4500 лет назад мысль о свободе духа – *не верить ни единому слову*. Один и только один. Всегда и во всём. Только ты – личность-бог и «Бог» (ставлю кавычки). Что не значит, что я отрицаю общение с другими людьми. Всё даже наоборот – всё, что я смог создать, создавалось в общении с другими. Но эти «другие» должны были *нравиться* мне. И ещё я никогда ничего и ни у кого не просил. А только предлагал. Из-за этого «неоднозначного» характера у меня всё время возникали проблемы. Однако почему-то они разрешались со временем как бы сами собой. Но только выждать неизвестное необходимое время было подчас непросто. И всё же: «Всё приходит к тому, кто умеет ждать» (Лев Толстой). При таком подходе к жизни, когда делается ставка не на расчёт, а на «везение» со случайностями, на моём пути можно отметить как самое интересное несколько произошедших событий, планировать которые было бы нереально. В результате складывается впечатление, что нами – при «правильном» отношении к смыслу жизни – управляет *что-то над нами*. Иногда я называю это духом-интеллектом (который главный в творчестве). Назову некоторые из этих случайных событий. После создания моей первой сканирующей системы АЭЛТ-1 (1973 год) мне научной общественностью было запрещено иметь в руководимом мной научном секторе своих программистов. А как создать вторую систему – АЭЛТ-2/160, если нет программистов? Но тут мне предложили создать в рамках хоздоговора аналог системы АЭЛТ-1 для ЦАГИ. И мы создали её на улице Радио в Москве в 1978 году, а на заработанные 400 000 рублей я нанял (через ЦАГИ) нужных программистов. В 1980 году мы создали систему АЭЛТ-2/160, и ЦАГИ заключил с нами хоздоговор на 1 500 000 рублей на 5 лет. На эти огромные деньги я создал лабораторию в АВТФ МЭИ (90 квадратных метров на 9-м этаже библиотечного корпуса МЭИ), которая просуществовала до развала СССР. В 1986–1990 годах мы уже зарабатывали по 1000 000 рублей ежегодно по хоздоговору с МРТИ АН СССР, причём от меня за эти фантастические деньги (лаборатория в АВТФ МЭИ с десятком молодых специалистов стоила 60 000 рублей в год) не требовалось делать ничего – только объяснить приставленному ко мне «умному наблюдателю», выпускнику МИФИ, сущность метода сжатия времени. А я и не скрывал метод. Но он был основан на конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания. А именно – на соединении науки и религии. Во что не хотели верить.

Та же проблема возникла и в моих отношениях с научной общественностью в ОИЯИ. Но с другой стороны – у меня всё работало. И было столько денег, что их не было куда девать. И вот тогда М.Г. Мещеряков, ставший моим заместителем в 1989 году, предложил мне создать свой научный центр и стать в нём директором. Чтобы ни от кого не зависеть.

Так я стал в декабре 1989 года директором частного Научного центра по обработке изображений при Президиуме АН СССР. Эта инициатива при М.С. Горбачёве и Е.П. Велихове происходила, что стало известно позже, от Конгресса Соединённых Штатов. Меня пригласили в сентябре 1991 года (ещё во время СССР) на 3 дня в Вашингтон для демонстрации наших достижений. Как результат, мне, принятому очень хорошо, было предложено создать частную компанию по информационным технологиям и стать в ней президентом. Можно – в Америке, а можно – в России. Я остановился на России – что такое жить на скучном для русских «технологичном» Западе я уже знал. Тогда комиссия, в которую входил русофоб З. Бжезинский, не дала согласие на выполнение этой идеи.

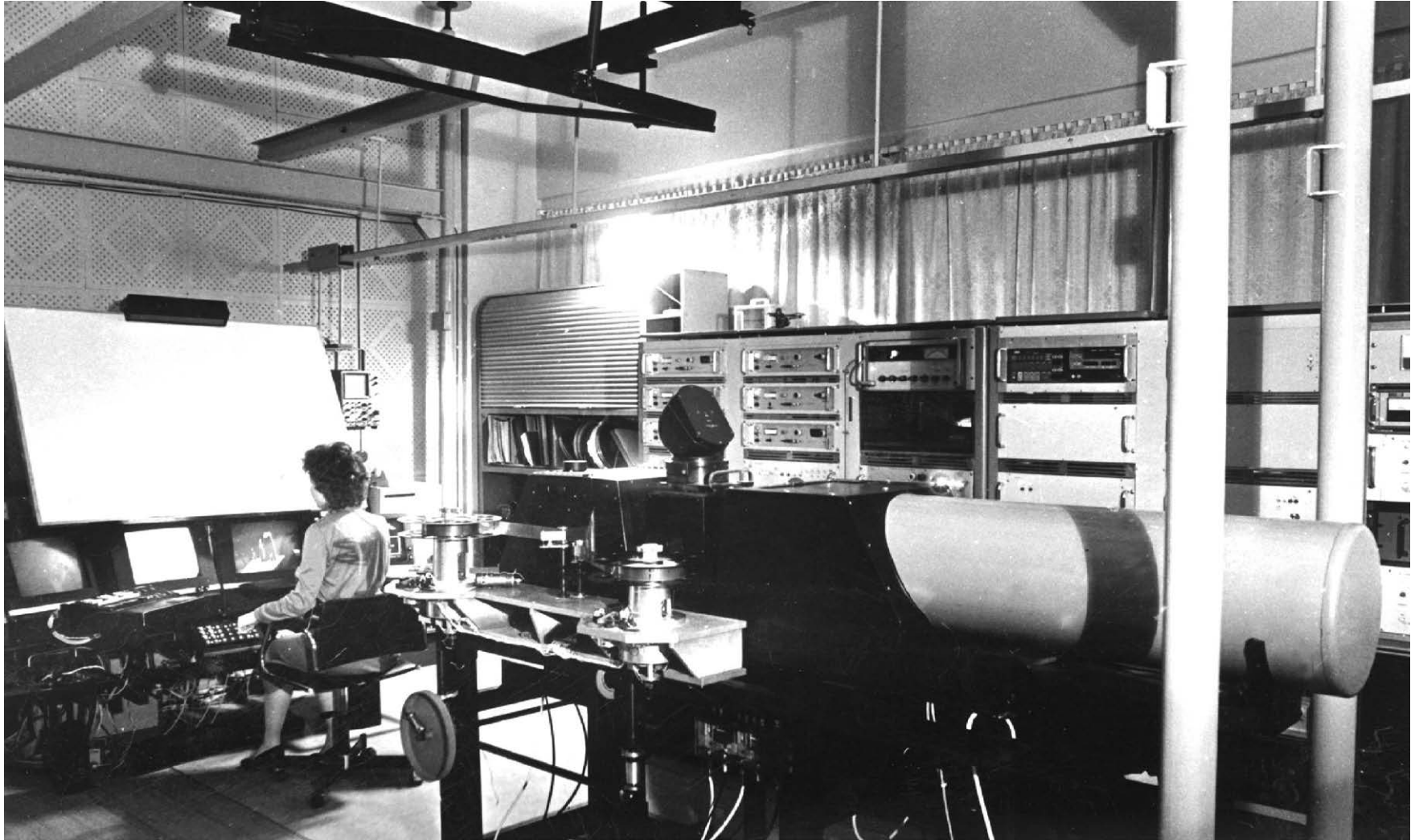
С 1991 годом связана ещё одна инициатива по реализации предложения, сделанного от М.Г., – я начал в мае строить «научную деревню» на берегу Истринского водохранилища. Но наступили «золотые времена демократии», появившиеся вдруг весной 1993 года бандиты меня не убили, но и эта идея тоже провалилась. От неё у нас с Людмилой остался только построенный из сибирской сосны дом-дача в 120 квадратных метров. И тогда я снова обратился к сотрудничеству с ЦЕРНом. В ЦЕРНе тогда мне просто повезло. Во-первых, у них в руках было секретное досье на меня, где было отмечено, что в 1976 году я отказался быть «стукачом» (с помощью трёх букв, обидев полковника) и стал из-за этого невыездным на Запад до 1991 года; а во-вторых, меня поддержал помощник генерального директора ЦЕРНа, ответственный за сотрудничество с Россией и Восточной Европой француз Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), имевший русские корни графов Капнистов (на службу к Петру Первому перешёл грек Капниси, чтобы бороться с русскими против турок) и князей Голенищевых-Кутузовых (боярин Кутуз по прозвищу Голенище был известен в Великом Новгороде во времена царя Ивана III и вёл с ним переговоры о свободе для своего города). А отец Николаса, русский немец фон Кульберг, был офицером в Белой армии Врангеля, после поражения которой в Крыму от Красной армии оказался во Франции (спрыгнул с шедшего в Аргентину парохода на рейде Марсея, доплыл до берега и был принят Францией даже без документов). Нашёл себе жену – дворянку из рода Голенищевых-Кутузовых, у них три сына. Николай окончил Университет в Экс-ан-Прованс под Марселем, филолог и поэт. Поэтический дар («Мы две холодные снежинки, кружащиеся в чёрной бесконечности ночи...») позволил ему понять меня с моим «иррациональным» отношением к науке, и он поручился за меня перед генеральным директором ЦЕРНа. Так мы получили право участвовать в закрытых для русских работах по созданию административных информационных систем (AIS-систем – от Administrative Information Services). Правда, сам я в AIS-технологиях ничего не смыслю, мой вклад в эти разработки – это внедрение в их выполнение созданного мной и прошедшего перед этим обкатку на задачах физики высоких энергий (ОИЯИ) и авиации (ЦАГИ) метода сжатия времени, позволившего им, в ЦЕРНе, работать с его применением в 10 раз быстрее. (Об этом представлены документы в Приложении – [3] и [4].) Но кое-что в AIS понимала Людмила, которая проложила вместе со мной дорогу к участию в этих работах в 1994 году, грамотно написав с офицером по финансам ЦЕРНа меморандум по нашему участию в создании системы контроля финансов, а затем приняв участие в создании этой и других IT-систем. Комплекс AIS-систем оценивается в полтора миллиарда долларов. Эта «сумасшедшая» стоимость привела к связанным с «рейдерством» проблемам у меня в ОИЯИ. И в это время она неожиданно стала писать мемуары (Приложение – [5]), включив, как ведьма, на поднятой этим волне в нашу жизнь *синергию* – настроение полёта на крыльях надежды на поддержку нам *свыше*.

Из того, чем отмечены успехи на моём пути после окончания РТФ МЭИ, приведу следующее:

- золотая медаль ВДНХ СССР (1981 год) – за АЭЛТ-2/160, премия ОИЯИ (1985) – за АЭЛТ-1, высшая награда ВДНХ СССР – Диплом Почёта (1987) за аналог АЭЛТ-2/160 в МЭИ (для ЦАГИ);
- письма в адрес директора ОИЯИ от начальника ЦАГИ академика Г.П. Свищёва (1983) и от заместителя Министра авиационной промышленности СССР Л.М. Шкадова (1984);
- письмо от Министра высшего и среднего специального образования СССР Г.А. Ягодина (1985);
- письмо от руководителя в ЦЕРНе проекта «Большой адронный коллайдер» Lyn Evans (2008);
- письмо от генерального директора ЦЕРНа Rolf-Dieter Heuer (2012).

В 1969 году я защитил кандидатскую диссертацию, в 1987 году – докторскую (технических наук). С 1999 года сотрудничаю с Институтом философии РАН (Москва), с 2000-го – с НИЯУ «МИФИ». С 2000 года являюсь директором Научного центра исследований и разработок информационных систем (ОИЯИ, Дубна – ЦЕРН, Женева). В планах – внедрение в России метода сжатия времени.

Мониторная сканирующая система АЭЛТ-2/160, созданная Владимиром Шкунденковым
(фото 1986 года)

Мониторная сканирующая система АЭЛТ-2/160 (общий вид) и пульт управления

Построенная на основе подхода *компьютер в помощь человеку* (во всём мире подход был противоположный – человека привлекали в помощь компьютеру в сложных ситуациях) система АЭЛТ-2/160, позволяющая человеку за пультом *дружественно* проникать в мониторном (зацикленном) режиме сканирования в полутоновые изображения *невидимого на видимом* на снимках, привела к исследованиям изображений *параллельного мира* (см., например, в Интернете книгу – Владимир Шкунденков. *Одиночество и пепел*. – М.:2009.).

Система была построена в сотрудничестве с ЦЕРН с использованием лучшей в мире элементной базы (на что автору за успехи в науке было дано разрешение Госдепа США) и обладала самыми высокими в мире характеристиками: размер рабочего поля сканирующей изображения на снимках прецизионной электронно-лучевой трубки – 70x140 мм² при разрешающей способности в 7000 линий; сканирование точечное, минимальный шаг между точками – 2 мкм; ошибка измерений координат – 2 мкм; относительная ошибка измерений оптической плотности – 1, 5 % в «видимом» диапазоне оптической плотности (0–2D).

Для этой системы был разработан комплекс скоростных средств диалога, который позволяет увеличивать нагрузку на человека-оператора (что требовалось для снижения в 10–100 раз затрат времени на создание программ распознавания измеряемых изображений) без снижения производительности системы. (За эту разработку автор получил в 1991 году предложение стать президентом IT-компании в США. Но время было «не то».)

С созданием этой системы оказалось связанным *смешное*. В 1980-х годах шла гонка вооружений между СССР и США. С нашей стороны для каких-то задач, связанных со «звёздными войнами», требовалось построить «хорошую» сканирующую систему. Работы в этом направлении были начаты еще в 1957 году по договору между ОИЯИ и Московским научно-исследовательским телевизионным институтом, а потом их сменили ВНИИ телевидения (Ленинград) и Московский радиотехнический институт АН СССР. Но и через тридцать лет успеха у разработчиков, сменивших электронную тематику на компьютерную, достигнуто так и не было. А денег на решение этой задачи давали очень много. И тогда «они» стали платить по договору с ОИЯИ по миллиону рублей в год *только за то*, чтобы автор раскрыл «секрет» своих успехов. И приставили умного «наблюдателя».

А смешным в этих «похождениях» автора-первопроходца в науке оказалось то, что заказчик так и не поверил в возможность *синергического* («совместного с Ним») подхода к творчеству, на чём и основан метод *сжатия времени*. И они так и «погибли», не создав свою сканирующую систему, но высоко держа «флаг передовой советской науки».

– Вы, Владимир, делаете свои разработки топором, – было сказано «умным наблюдателем», когда их корабль уже лежал на боку. – А мы всё тщательно исследуем на пути выполнения поставленной задачи. (С 1957 до 1991 года, развала СССР. – *Прим. автора.*)

Пульт оператора сканирующей системы АЭЛТ-2/160

В правой руке у оператора – скоростной световой карандаш, использующий обратную связь для «выхватывания» (подсветки) той точки на экране монитора, на которую он реально наведён. Это исключает сбои в его работе (из-за эффекта параллакса света в стекле экрана – блуждания света между двумя поверхностями стекла, что привело повсеместно к замене карандаша на медленную, но надёжную электронную «мышь»). Левая рука лежит на скоростной функциональной клавиатуре, построенной с заимствованием подхода с расположением клавиш на рояле. Эти *скоростные* средства диалога позволяют пересмотреть границу разделения функций между человеком и компьютером в сторону увеличения нагрузки на человека-оператора без снижения производительности системы.

На этом пути существует «точка резонанса», позволяющая снижать затраты на создание программ распознавания измеряемых изображений в 10–100 раз!

Скоростной световой карандаш позволяет рисовать художественные картины – см. в Интернете: <http://sbnt.jinr.ru/iris/Gallery.htm> (художники Петр Гусев и Инна Химченко).

Пульт оператора сканирующей системы АЭЛТ-2/160

«Зимняя ночь»

Компьютерная живопись (скоростной световой карандаш). Художник – Пётр Гусев (1992 год)

4. Избранные книги и фильм в Интернете

1. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Джеймс Пурвис (James Purvis), Владимир Шкунденков. Антропокосмическая модель Вселенной. – М.: 2008. – 260 с. [В книге приведена статья англичанина Джеймса Пурвиса, в которой сказано, что метод сжатия времени, внедрённый Владимиром Шкунденковым, позволил 10-кратно сократить затраты на создание в ЦЕРНе административных информационных систем.]
2. Владимир Шкунденков. Одиночество и пепел (Нелинейность времени). – М.: 2009. – 252 с. [В книге приведены результаты исследований изображений параллельного мира. Что служит доказательством того, что Вселенная – живая.]
3. Владимир Шкунденков. Человек и Вселенная. [Книга посвящена памяти профессора М.Г. Мещерякова (1910–1994)]. – М.:2010. – 60 с.
4. Владимир Воронихин. Москва – старинный город. – М.:2015. – 228 с. (Владимир Воронихин – литературный псевдоним Владимира Шкунденкова.)
5. Фильм «Метод сжатия времени и Большой адронный коллайдер». – 43 минуты (2014). [Выступают Владимир Шкунденков, Ростислав Титов, Николас Кульберг и другие.]

23 апреля 2016 года (Дубна)

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Последнее письмо моего репрессированного в 1938 году отца, написанное после его амнистии в 1953 году

(За полгода до смерти в июле 1954 года отец прислал это письмо сестре Елене Михайловне [Лёле]. Орфографию письма не меняю.)

Здравствуйте, Лёля, Борис и Людмила! [Семья Елены Михайловны.]

Я нехотел бы беспокоить Вас, но жизнь все складывается так, как как рас-бы не хотелось.

Вообщим коротко о нашей жизни.

Ты знаешь, что в 1952 году я снова попал в лагерь, был срок 3 года, когда был в тюрьме и в Лагере. Лидия [вторая жена отца] все время следовала за мной и все время меня поддерживала и материально и морально, в 1953г по амнистии я освобожден в г. Красноярске.

Был в нашем доме [адрес я по какой-то причине помню – улица Баграда, дом 87; это был двухэтажный деревянный дом, у нашей семьи были две комнаты на втором этаже, на окнах стояли цветы – красная герань, на столе – самовар], кой кто там еще живет, но город после 15 лет я не узнал, все перестроилось, был у товарищей, но к вилекому сожалению, многие погибли на фронте, был у отца Бориса и даже я который привык, вернее приучала в течений 15 лет, к беспощадному унижению собственного достоинства и то вздрогнул, как это могло случиться что он воспитал (отец Борис) столько детей и сейчас находится в очень тяжелом состоянии. Это Ольга, у меня нет слов охарактеризовать эту сволочь, вообщим старик работает, теперь инженер-мастер тяги н-к депо, сказал мне что просто держу, не погибать-же человеку, который проработал 55 лет на ж. дороги, он добивается пенсии, но ему ее не дают почему-то, оглох и почти что ничего не слышит. Мы с ним попили чаю, Ольга постаралась сразу-же уйти и я больше туда не заходил, мне просто было очень жаль смотреть на эту обстановку, а каким я его помню орлом.

Квартиру там мы не нашли, в общежитии Лидия не захотела жить, да и материально мы были с ней очень слабы, поэтому уехали в Енисейский р-н пос. Маклаково, до августа я поработал, Лидия старалась подлечить меня, ты видишь знаешь что у меня язва желудка, а потом пошел работать, стал получать 690 рублей.

[Опускаю текст, где отец жалуется на то, что моя мама требует с него алименты с его и так очень низкой зарплаты. Мама в это время болела – её, как бывшую жену «врага народа», «там», требуя служить стукачом, просто достали. В 1951 году у неё начался туберкулёз, она еле выкабкивалась – случайно выиграла по облигации 10 000 рублей и смогла улучшить питание.]

В Красноярске я узнал что Петя погиб [брат отца, был на фронте].

С приветом – Николай и Лидия

Ксения ТИТОВА
(внучка, 14 лет)

ТИГР

Я помню мать, братьев и сестру с очень малого возраста. Ещё до того, как я открыл глаза, я запомнил их запах. В первый раз я их увидел, когда мне исполнилось три недели, именно тогда я открыл глаза.

Моя мать – красивая рыжая тигрица, а с ней трое маленьких котят, тоже рыжих, но ещё без полосок и с закрытыми глазками.

В этот день я впервые увидел мир и с этого дня начал его познавать. Я быстро определил границы своего мира – железную решетку. За ней ходили люди, тогда я ничего о них не знал.

Большую часть дня я играл с братьями и сестрой, но я отличался от них. Я это тоже быстро понял: я не был рыжим, как они, я был белым с уже появившимися чёрными полосками и с голубыми глазами. У меня у первого прорезались клыки, и я первым научился выпускать когти из мягких пушистых лап.

Однажды, когда я играл с братьями, я поранил одного из них. Я не хотел, я просто увлёкся игрой. Я больше никогда не буду играть с ними и больше никогда не причиню им боли.

С этого дня я всё больше и больше отдалялся от своей семьи. Я стал проводить свои дни в пещере, которую нашёл уже давно. У её входа был сухой пенёк – мой единственный друг. С ним одним я играл, не боясь поранить. Остаток дня я проводил, глядя на людей. Они улыбались, увидев меня, показывали на меня пальцами. Я их не понимал: что смешного в одиноком белом тигрёнке? Зачем показывать на меня пальцем, как будто меня не видно?

Я всматривался в их лица и не видел ни одного понимающего или просто сочувствующего взгляда, пока не появился человек без улыбки на губах. Он смотрел на меня и будто бы понимал, а когда я поднял на него свои голубые глаза и наши взгляды встретились, он улыбнулся, но не так, как другие: он улыбнулся мне, а не благодаря мне. Смеющиеся люди приходили и уходили, лишь этот человек оставался и смотрел на меня. Но к вечеру людей постепенно становилось всё меньше и меньше, и вскоре он остался один. Тогда я поднялся и подошёл к прутьям клетки. Человек тихо сказал:

– Привет.

Я хотел ответить так же легко и мелодично, но из моего горла вырвался лишь рык. Я хотел попробовать ещё раз, но вдруг пришёл человек, работающий в зоопарке. Я испугался, отпрыгнул и спрятался в пещеру. Когда я вылез из неё, людей уже не было.

С этого дня я стал часто видеть того человека, а моё рычание при виде него всё больше и больше напоминало мурлыканье.

Время шло, и я стал взрослым красивым белым тигром. И я сам этого не замечал, пока однажды не разрубил когтями тот пенёк, которого считал другом.

Вскоре после этого меня переселили в совсем другую клетку. Меня разделили с семьёй. Мне она была почти безразлична, но это была моя семья. К моей новой клетке тоже подходили люди, но не было того черноволосого мужчины, которого я ждал. Все люди смотрели на меня, как на игрушку, как на вещь. Они не знают, что такое дикий зверь. Я показал...

Той ночью я решил бежать. После закрытия зоопарка я запрыгнул на решётку своей клетки и долго карабкался по ней, чтобы добраться до её верха. Слишком долго.

Только я добрался до её верха, как прибежали люди. Они не успели ничего сделать – я прыгнул. Я старался не бить насмерть, я никогда не любил убивать. Я успел. Я перепрыгнул через ворота зоопарка и углубился в близлежащий лес. Я долго бежал и лишь под утро забрался на большое дерево и там заснул. Следующие дни я провёл, учась новым вещам: охоте, поиску воды, выживанию. Мне нравилась моя новая жизнь – жизнь настоящего тигра, а не плюшевой полосатой игрушки. Но моё счастье длилось недолго, я не знал, как далеко я ушёл за эти несколько месяцев, и не знал, что на меня ведётся охота. Я помню лишь, что на меня набросили сетку, и всё...

Я пришёл в себя в маленькой клетке, в которой была лишь миска с водой и кусок мяса. Через некоторое время меня выпустили на круглую площадку, огороженную решёткой. Передо мной стоял человек с какой-то необычной верёвкой в руке. Ещё была тумба, и я понял, что этот человек от меня хочет. Но я тигр и не буду слушаться какое-то ничтожество, как этот человек. Дрессировщик взмахнул своей верёвкой, и я ощутил острую боль в задних лапах, поэтому я подчинился и забрался на тумбу. Таким образом проходили мои дни до тех пор, пока я не увидел людей, выйдя на арену. Все они смотрели на меня, показывали пальцами и улыбались. Они везде одинаковы и глупы. Что смешного в тигре, прыгающем через горящее кольцо? И самое главное, что никто себе и не представляет, как страшен для меня этот прыжок. Никто из них никогда не чувствовал запаха тлеющей шерсти от жара пламени. И я не сразу заметил того мужчину, которого я уже видел в зоопарке. Он опять был единственным, кто не улыбался, а сочувствовал.

После представления я опять увидел его. Он разговаривал с директором цирка, но этот разговор длился недолго. Этот человек ушёл почти сразу, оставив директору какую-то бумажку. После этого я перестал есть, я больше не мог жить в этой клетке, я перестал подчиняться. Даже боль от кнута не могла меня заставить работать. В клетке я постоянно рычал, а на арене вступал в драку с дрессировщиком.

Я добился своего: дрессировщик начал меня бояться. Вскоре я увидел человека, которого любил. Из его рук я поел, его руке дал себя погладить. Он привязал меня одной верёвкой, которую я смог бы порвать или перекусить одним щелчком челюсти, но я не стал этого делать. Я чинно пошёл у ноги своего нового хозяина. Для него я был зверем, личностью, другом, а не плюшевой игрушкой, и за это я готов отдать ему жизнь.

28.05.2015 (Женева)

Приложение 3.

Ниже приведён меморандум, подписанный помощником генерального директора ЦЕРНа Николасом Кульбергом (Nicolas Koulberg), в котором говорится о том, что внедрённый Владимиром Шкунденковым в разработки AIS-систем в ЦЕРНе (Женева) метод сжатия времени позволил сократить в 10 раз затраты времени на выполнение этих сложных работ.

На меморандуме стоит виза «Поддерживаю» директора Института философии РАН, Москва, академика Вячеслава Семёновича Стёпина и профессоров-философов в ИФ РАН – Владимира Ивановича Аршинова, руководителя отдела философии науки и техники, и Владимира Леонидовича Васюкова, заведующего кафедрой истории и философии науки.

ORGANISATION EUROPEENNE POUR LA RECHERCHE NUCLEAIRE
EUROPEAN ORGANIZATION FOR NUCLEAR RESEARCH

Laboratoire Européen pour la Physique des Particules
European Laboratory for Particle Physics

GENEVE, SUISSE
GENEVA, SWITZERLAND

Mail address: CERN, PS Division
CH-1211 GENEVE 23
Switzerland

Telex / Telex: 419000 CER CH
Télégramme/Telegram: CERNLAB-GENEVE
Téléphone/Telephone:
Direct: +41 (22) 767 7320
Central/Exchange: +41 (22) 767 8111
E-mail: Nicolas.Koufberg@cern.ch

Женева, 27.04.2006

Эффект нелинейности времени
(Эксперимент в ЦЕРН, Женева, Швейцария)

Работы по модернизации административных информационных систем ЦЕРН были начаты в 1986 году по инициативе Джона Фергюсона. В 1990 году распоряжением директора ЦЕРН стартовал проект создания передового комплекса систем информационной поддержки (Advanced Informatics Support), руководителем которого был назначен Дж. Фергюсон.

Сотрудничество между ЦЕРН и ОИЯИ (Дубна, Россия) по созданию административных информационных систем ведется с 1994 года. С 1995 года при выполнении этих работ применяется подход, предложенный В.Н. Шкунденковым. Суть подхода заключается в комбинировании «традиционного» аналитического пути, при котором все потенциальные требования включаются в систему в процессе разработки, с используемым широко в культуре России путем поиска красивых простых решений, позволяющем быстро создавать действующее ядро системы на основе первоначального исключения всего того, что можно не делать. Последнее позволяет значительно сокращать затраты времени как на выполнение работ на первом этапе в процессе создания ядра системы, так и на последующих этапах в процессе наращивания возможностей ядра до полноценной системы.

Впервые такой комбинированный подход был применен при создании системы контроля финансовой информации (Budget Holders Toolkit) в 1995 году, что позволило завершить работу всего за два месяца вместо планировавшихся 1,5-2 лет. В последних разработках сокращение затрат времени («сжатие времени») как эффект нелинейности времени на философском языке) на выполнение работ приближается к 100-кратному.

Вышеописанный подход был использован при разработке:

- системы финансового контроля;
- системы работы с информацией по персоналу;
- системы электронного документооборота,

входящих частью высокоэффективного комплекса административных информационных систем ЦЕРН.

Результаты, достигнутые при разработке указанных систем, могут быть подтверждены Дж. Фергюсоном (зам. директора департамента ускорителей и пучков ЦЕРН), Дж. Пувисом (зам. начальника группы административных информационных систем департамента информационных технологий ЦЕРН) и Р.Н. Титовым (инженер-разработчик, ЦЕРН/ОИЯИ).

Николай КУФБЕРГ

помощник генерального директора ЦЕРН по связям с Россией и Восточной Европой

Поздравляю В. С. Семака
11.05.2006 (В. С. Семак)
В.И. Аршинов
В.А. Васюков

Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков

Иррациональное управление сжатием времени

(Эксперимент в ЦЕРН, Женева, с диалогом русской культуры и культур Запаदा)

В вопросе управления эффективностью творческой деятельностью человека выделяются имена экономистов англичанина Джона Кейнса (John Keynes) и русского американца Василия Леонтьева (Wassily Leontief). Оба обратили внимание на проявление иррационального (не подчиняющегося строгим законам) в управлении экономикой.

Заслугой Кейнса при этом является введение понятия о макроэкономике, о развитии экономики в длительном периоде с учётом непредсказуемости этого процесса из-за участия в нём «непредсказуемого» человека с его проявлением в бизнесе низменных интересов. Для устранения неизбежных при этом провалов в ходе развития экономики он предложил оказывать поддержку в кризисных ситуациях со стороны государства. Для чего у государства должны быть всегда необходимые резервы.

Он выступал за необходимость гармоничного развития экономики в пространстве международного сотрудничества. Что говорит о его понимании существования смысла деятельности человека за пределами его личных эгоистических устремлений. Что так и не было принято человечеством по достоинству. Но что сближает его идеи с нашим подходом по управлению временем на основе иррационального поиска красоты.

Ставший в 1973 году нобелевским лауреатом Леонтьев разработал систему матричного управления экономикой, основанной на математических моделях понятия о «затратах – выпуске» в многомерном пространстве управления экономикой взаимосвязанных производств, а также в создании метода пошаговой динамичной реализации проектов с учётом непредсказуемости проявлений творческого процесса. Последнее предполагает отказ от линейного выполнения намеченного в проектах, с заменой хода выполнения на ломанный пошаговый процесс, с остановками после выполнения очередного этапа и анализом реально достигнутого – для того чтобы скорректировать выполнение следующего шага. Это здесь «работает» применяемая в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария) заимствованная из американского опыта система EVM – управления выполненной стоимостью.

Разработанный Леонтьевым подход по динамичной реализации проектов нашёл широкое применение. Тем не менее он оказался всё ещё далеким от завершённости. Так, реальность, связанная с эффективностью выполнения сложных проектов, такова, что, по статистике, только около 10 % проектов выполняются успешно, ещё 50 % выполняются, но с большими потерями (условно говоря, с 3-кратными по затратам), а оставшиеся 40 % – это провалы.

Можно сказать, что развиваемый нами подход по управлению сжатием времени является развитием динамического подхода Леонтьева к реализации проектов. При том что у нас есть общее во взглядах (подходе) со взглядами обоих названных экономистов – Кейнса и Леонтьева. Это – признание иррационального (оно же непредсказуемое) в практической деятельности человека. Вместе с тем, наш подход основан на исследовании природы иррациональности в действиях человека-творца и в разработке технологии эффективного применения результатов этих исследований. Главное в нашем подходе – направить проявление иррационального в творчестве человека не на низменное, а на – высокое. Что мы связываем с поисками *красоты*.

В своих исследованиях мы решаем две задачи (что не даёт подход Леонтьева):

- обеспечения гарантированно близкого к 100 % успеха с выполнением проектов;

- сокращения затрат времени («сжатия времени» – на языке философии), на практике – *на порядок и больше* при выполнении сложных научных разработок (на самом деле наш подход применим не только в научных разработках, он применим везде – в любой деятельности человека).

Решение первой из этих двух задач связано с выполнением условия создания на самом раннем из возможных этапов разработанного проекта уже пригодного для применения ядра создаваемой системы, с вводом его в эксплуатацию. После чего это ядро наращивается, шаг за шагом (по одному шагу), с соблюдением главного требования – после каждого шага развиваемая система должна находиться в эксплуатации. Что и гарантирует 100-процентный успех в реализации всего проекта при минимальных затратах на его выполнение.

Минимизация затрат во времени – мы переходим к обсуждению второй из поставленных задач – связывается с выполнением условия: *не делать ничего, что можно не делать*. Это правило является применением «гуманитарной технологии», основанной на интерпретации «отрицательного» (апофатического – *по-греч.*) поиска проявлений управляющего начала в культуре православия. А именно: при поисках доказательств существования Бога надо отбросить всё, что Богом являться не может. Тогда останется как самое главное – Красота (как об этой тайне с большой буквы говорил ещё Платон в IV веке до н.э.). «Не делать ничего, что можно не делать» как подход, сводящий к минимуму затраты при создании ядра, является *красивым* решением. Так мы приходим к конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания. Того что было накоплено человечеством в течение тысяч лет на пути независимого развития науки, базирующейся на рациональном разуме человека, и иррационального в религиозных поисках человеком своего предназначения во Вселенной.

Наряду с сокращением затрат времени на пути «не делать ничего, что можно не делать», стоит ещё и не менее важная задача поисков того, *а что надо сделать?*

В этом вопросе человек должен опираться на знания. Но все ли знания верны? Если при создании системы (что мы начинаем с создания её ядра) допустить применение хотя бы одного неверного знания, то успеха не будет. Чтобы этого не случилось, мы включаем в «арсенал» наших правил самую аристократическую мысль за всю историю человечества – о свободе духа: *не верить ни единому слову*.

Этому «правилу» от 4000 до 5000 лет, и найдено оно было в жреческой среде Древнего Египта (по другой версии – Вавилона). На пути его применения были рождены Ветхий Завет, Новый Завет и Коран. Но оно же является и самым опасным – это за отказ верить, например, слову Римского Папы в Средние века можно было попасть на костёр. Но именно это правило является базовым в «загадочной» русской культуре и связывается с «русским космизмом». Это то, что создаёт особую привлекательность в русской культуре, дополняя своей *чистотой* проявление более высокой энергии человека, погружённого в Западные культуры.

А мы сочетаем в наших исследованиях управления сжатием времени (сокращением затрат времени) оба этих направления – энергию Запада и поиски истины-красоты в пространстве абсолютно свободного духа в русской культуре. Что доступно, однако, далеко не всем и связано с ответом о смысле жизни. О чём – ниже.

Технология управления сжатием времени

Применение развиваемого нами подхода по сокращению затрат (сжатию) времени в 10 и более раз и обеспечению 100-процентного успеха при выполнении проектов опирается на работающую на практике гипотезу о том, что творчество человека распределено между ним и *чем над ним* (назовем эту надбиологическую, как её обозначает в своих трудах академик-философ Вячеслав Семёнович Стёпин, то есть вне человека субстанцию духом-

интеллектом). Причём главным в этом процессе является не человек, а именно – дух. Это там, вне человека, происходит процесс поисков как *новых* решений, так и – вслед за этим (с задержкой во времени) – поисков *красоты*.

Отсюда первое «правило» в предлагаемой нами работающей на практике технологии – *не спешить*. Ждать, когда то или иное решение снизойдёт от духа-интеллекта на человека в виде улавливаемого настроения (поговорка: «Утро вечера мудренее»), и верить в это («Всё приходит к тому, кто умеет ждать» – Лев Толстой). «Держа вожжи» надежды и веры *молча и в сосредоточенности* (православный исихазм, сложившийся в XIV веке трудами греческих монахов в монастыре на Афоне – Григория Паламы и других), перекрывая временем (стоицизмом во времени) протестантскую (самую интересную культуру для сочетания с русской культурой) «власть воли».

При этом человек должен быть всегда активным («Под лежащий камень вода не течёт»). Но уж если настроение снизошло, то – вне зависимости от того, когда это произошло, – вступает в силу требование тотчас «идти в наступление».

Именно тотчас, а не по заранее намеченному плану (как это принято в протестантской культуре). Даже если мысль или настроение пришли ночью. И если введение подхода со сжатием времени стало важным шагом на пути развития методологии Леонтьева, то последнее замечание позволило поднять наши исследования на ещё большую высоту, сделав наш подход методом динамического сжатия времени – Dynamical Time Compression. Что возможно только в пространстве русской культуры.

Исследования по управлению сжатием времени опираются на русскую культуру, которая вобрала в себя культуру православия с её установкой о смысле жизни человека: *смысл жизни лежит вне жизни*. Иначе – *в служении неземному*.

К этому призывает и институт церквей. Но ни одна Церковь, в том числе Русская Православная Церковь, не способна согласиться с используемой нами «концепцией свободы духа»: *не верить ни единому слову*. Это является «камнем преткновения» также для более чем 99 % учёных – от простых научных работников до академиков.

«Загадка» русской культуры

Обратимся в заключение к самому сложному и интересному в наших исследованиях, связанному с иррациональными поисками «красоты» в пространстве русской культуры. По существу, это может быть обозначено как обращение к поэзии на пути технического творчества.

Точно так же как поэтическое творчество не может выполняться «по заказу» или по расписанию, так и в научном творчестве, ориентированном на поиски *красоты*, нет никаких правил во времени в вопросе нисхождения настроения. К этому надо быть всегда готовым (верить в это) и немедленно реагировать на снизошедшее настроение. И самое интересное в этом процессе то, что под настроение можно *увидеть* будущее. Это совсем несложно: оно должно быть *красивым*. Но это можно только *увидеть*.

Возможно, это останется навсегда принадлежащим исключительно русской культуре, ориентированной на устремлённость к Красоте. Это, похоже, та тайна, в которой заложены победы «божественной красоты» над мужским началом.

12 апреля 2016 года (Женева)

Литература

1. В.Н. Шкунденков. Сканирующий автомат типа АЭЛТ-1 для ядерно-физических и прикладных задач. а) ОИЯИ, 1078, Дубна, 1978; б) CERN, Trans. 79-02, Geneva, 1979.
2. Н.Н. Кульберг, В.Н. Шкунденков. Иррациональное управляющее начало в научных исследованиях и разработках. а) Ротапринт МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: 1999 (заказ № 14). – 9 с. б) Философские исследования (изд-во Московского философского фонда). – М.: 2000 (№ 4).
3. Р. Кайо (R. Cailliau), Н. Кульберг (N. Koulberg), Р. Титов, В. Шкунденков. A moderated Collaborative Web Community. – Философские исследования (изд-во Московского философского фонда). – М.: 2001 (№ 4).
4. В.Н. Шкунденков. Нелинейность времени. // Синергетическая парадигма. 3-й сб. – М.: 2003. – Стр. 561–583.
5. Владимир Шкунденков. Time Compression / Русско-английский эксперимент по управлению временем. – М.: 2007. – 286 с.
6. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Джеймс Пурвис (James Purvis), Владимир Шкунденков. Антропокосмическая модель Вселенной. – М.: 2008. – 260 с. Книга представлена в Интернете.
7. Владимир Шкунденков. Человек и Вселенная (памяти проф. М.Г. Мещерякова). – М.: 2010. – 60 с. Книга представлена в Интернете.
8. В.С. Стёпин. Цивилизация и культура. – СПб: 2011. – 408 с.
9. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков. Управление сжатием времени и Большой адронный коллайдер. – М.: 2015. – 80 с.
10. В.И. Аршинов (Институт философии РАН, Москва), В.Н. Шкунденков (Объединённый институт ядерных исследований, Дубна). Нелинейность времени в контексте мышления в сложности. (Nonlinear time in the thinking in complexity.) Труды VII Российского философского конгресса. Уфа–2015.

Приложение 5.

Людмила Кучугурная (Лопина)

Маленькая моя жизнь

Введение

Я никогда не думала, что буду писать. В школе самым моим любимым предметом была математика. Писать сочинение было тяжелой работой. Иногда брала журнал «Огонек» или «Работницу», которые читали родители, и списывала из них целые фразы описания природы, если тема сочинения была, например, «Осень» или «Как ты провел зимние каникулы». Сама я, как ни старалась, придумать ничего не могла.

Сейчас мне много лет. У меня две внучки, десяти и шестнадцати лет. Я очень хочу, чтобы они полюбили то, что любила я в их возрасте. Огромный шкаф, полный детских книг, дело моих рук. Я для них скупаю все старые фильмы, которые смотрела сама, записи детских спектаклей – все это для того, чтобы они любили и гордились нашей страной, нашей историей.

Последний мой приезд к ним в гости в город Женева, где в настоящее время работает мой зять [в ЦЕРНе], пришлось на праздник Победы 9 мая 2011 года. Семьдесят лет тому назад началась Великая Отечественная война. Я привезла фильм «В бой идут одни старики», чтобы посмотреть его вместе с детьми. И неожиданно начался разговор. Маленькая внучка [Ксения] молчала, только слушала, а старшая [Света] сказала: «Но мы же тоже убили». В это время в школе они обсуждали тему «Гитлер, Муссолини, Сталин». Все имена через запятую. И я все поняла. Поняла, что нельзя молчать, что надо что-то делать. И что очень трудно объяснить им и заставить понять. И что со старшей уже, как это не горько, время упущено, но может быть еще удастся успеть объяснить, рассказать младшей.

Много книг написано о войне, но немногие из них написаны людьми, которые сами горели в танке или с винтовкой шли в атаку. Чтобы наши внуки поверили, нужны сверхусилия, нужна правда без оглядки на то, как это воспримут сейчас. И я решила написать своим внукам про свою жизнь. Пускай события моей жизни не такие интересные, как описаны в книгах, пускай у меня не было родственников с известными именами, но мне, своей любящей их бабушке, они поверят.

***

Сколько себя помню, мы всегда жили на частных квартирах, с хозяйками. Мама была веселая, чистюля, со всеми ладила. Первые мои воспоминания – лежу я на кожаном черном диване, который я потом видела в старых довоенных фильмах, двигаться не могу, только слышу, как звонит телефон, я его вижу, он черный, стоит на маленьком, с него размером столике. Позже я рассказала маме об этом – она очень удивилась: все так и было, и комнату я описала правильно и про телефон, только в такой комнате мы жили в военном городке под Оренбургом, и мне было всего несколько месяцев.

Ехали они из Курска в Оренбург поездом, с пересадками, меня, совсем крохотную, мама замотала в пуховое одеяло, очень объемное и легкое и всю дорогу боялась, что не заметит, если я из него выпаду. Это одеяло до сих пор живо, его несколько раз реставрировали, добавляли пух из подушек. Всю посуду, постель, мою ванночку родители отправили другим поездом, товарным, который шел несколько месяцев, поэтому по прибытии в военный городок – участок степи с несколькими постройками, огороженный колючей проволокой – с грудным ребенком мама оказалась в сложном положении. Выручили женщины, жены офицеров, дали, кто что мог.

Но самым неожиданным оказалось доставшееся нам жилье – маленькая комната с печкой, в которой до нас жил один офицер вместе с коровой. Ему было так удобно: готовил он сразу на двоих, да и теплее вдвоем. Отец, военный, сразу ушел на работу, и мама осталась со мной одна. Вымыла, выскребла, побелила стены. Но утром я была вся в сыпи, да и других грудничковых болячек было навалом. Тяжелая дорога, жуткий холод. Ночью, когда включили свет, увидели толпы клопов, которые выбирали меня, сыпь была результатом. Мама боролась. Меня на ночь клали в оцинкованную ванну, чтобы они не могли до меня добраться, так они заползали на потолок и прыгали в мою ванночку с потолка.

С того времени у нас остался настоящий оренбургский платок, в котором выросла я, свою дочку зимой на прогулку в коляску я тоже заворачивала в него с полной уверенностью, что он не подведет и дочка не замерзнет.

Потом, когда мне был один год, мы жили в Киечевке, на Украине. У мамы был огород и поросенок. Мама со мной ходила на огород, меня сажала на одеяло, там я и пошла первый раз за початком кукурузы. Мама тут же позвонила отцу, он прибежал, видимо, воинская часть была рядом, чтобы посмотреть на это чудо расчудесное, меня уговаривали, но я не сдвинулась с места. Один раз там же на этом же одеяле на меня напал соседский петух, он взлетел мне на голову и стал клевать, я закричала. Мама потом говорила, что у меня чудом сохранились глаза. Этот петух всех соседей доставал, но после случая со мной его пришлось наказать.

Потом папу перевели в Курск, это был город, где я родилась, там жили все мамины родственники, и мама очень хотела в Курск и уговаривала папу. Позднее я несколько раз слышала, как папа упрекал ее за это. Чтобы получить лишнюю звездочку, офицеры стремились служить где-нибудь подальше, на Дальнем Востоке, например, а потом, уже в чинах, возвращались на более обжитые, комфортные места. Курск и был таким местом и не позволял делать военную карьеру. Отец в то время был подполковником, а полковника он получил, когда мне уже было лет 15, и это ставилось маме в укор.

В Курске жила мамина мама, моя любимая бабушка Таня. У меня была и вторая бабушка, нелюбимая, папина мама, бабушка Наташа. Она, кстати, платила мне тем же. Она вообще девочек не жаловала. У нее самой было три сына, и у младшего, любимого, были тоже сыновья, старшего из которых Сашу она обожала.

У бабушки Тани в центре города, улица Ленина, дом 13, была крохотная, но отдельная квартирка в полуподвале двухэтажного дома.

Моя бабушка родилась в 1897 году в деревне Терепша около Курска. На ее долю выпала революция семнадцатого года и две войны – Гражданская и Отечественная. Всю жизнь с двенадцатилетнего возраста она работала. Девочкой – в доме купца, нянчила маленького ребенка. Вспоминала, как хозяйка подарила ей красную ленту в косу, коса была длинной, ниже пояса. Школу она закончила церковно-приходскую, три класса. Зимой в школу ходить было нельзя, не было обуви. Детей было четверо: три сестры и брат. Бабушка была самой старшей. Фамилия у них была Усачевы. Когда умерла их мама, ее звали Анастасией, бабушке было 12. Разгоряченная, она выпила холодного молока из погребца и слегла.

Бабушкины сестры, я их очень хорошо помню, были очень разными, даже цвет волос у них был разный, не говоря уже о характере. Бабушка была высокой, стройной, дома всегда ходила в фартуке, который туго завязывала, что еще больше подчеркивало ее тонкую талию. Она была шатенкой с голубыми глазами, волосы были разделены на прямой пробор, заплетены в две косички и уложены на затылке. Прямой пробор подчеркивал правильность овала лица и форму безукоризненного точеного носика. Бабушкин носик я вижу у своей дочки, а очень красивую форму пальцев на руках у своей внучки. Руки у нее были руками аристократки: длинные пальцы, которых время ничем не смогло испортить.

А где только она ими не работала. Клала шпалы на железной дороге, где, голодная, грызла мороженые яблоки и отморозила все передние зубы, работала закройщицей на швейной фабрике. Работа заключалась в том, что в течение рабочего дня надо было бегом настилать на очень длинные столы пальтовый толстый тяжелый материал из огромного рулона. Работали вдвоем, бегали по обе стороны стола, потом на верхний слой этого пирога накладывали выкройки будущих пальто и вырезали специальными ножницами заготовки.

Но она так и не заработала пенсии, что для нее было очень обидно. Во время войны ее трудовую книжку раскурили на папиросы – бумаги не было, и все заработанные довоенные годы пропали. Надо было искать свидетелей, а после войны, да еще в районе смертельных боев найти было трудно, да потом уговорить куда-то идти и что-то свидетельствовать. После 55 лет она пошла работать ночным сторожем, сторожила картины в художественной мастерской у себя во дворе, для храбрости было выдано ружье без патронов. Ей сказали, что не хватает до пенсии только одного года, она поверила, но ничего не получилось.

А главным призванием бабушки было умение шить. У нее была ножная зингеровская машинка, за которой она ухаживала, как за ребенком, раскручивала, смазывала. У меня остались портняжные ножницы, которыми можно резать все: проволоку, как это делал мой двоюродный брат, за что она очень сердилась, и тонкий батист. Эта машинка была второй, первую бабушка с мамой во время войны отвезли из Курска в деревню, где еще могли быть какие-то продукты, и поменяли на мешок картошки. Был сильный мороз и, когда картошку на санках довели до города, она промерзла, ее ели вместе с кожурой. Когда, уже очень старенькую, мама забирала бабушку из Курска в Москву, бабушка

умоляла взять в Москву и ее зингеровскую машинку, что было невозможно по многим причинам, главное – маме было бы не довезти больную бабушку и ножную машинку. Бабушка все понимала и попросила взять хотя бы ножницы, которые сейчас верой и правдой служат мне и которые я обязательно передам своей дочке. Машинка была ее кормилицей. Во дворе, где она жила, была художественная мастерская, где работали настоящие художники. Я любила смотреть, как они пишут свои картины. В основном они работали в помещении, но часто, чтобы написать небо, выходили на улицу. Как я понимаю, другой достойной натуры у нас во дворе не было. Бабушка шивала им холсты. В ее квартире висело несколько копий, написанных маслом. Помню Васнецовского серого волка с Иваном Царевичем и огромный портрет мамы, уже девушки, в несуществующем голубом бальном платье и придуманных автором картины драгоценностях. Особенно много для нее работы было перед праздниками. Квартира была завалена алым ситцем, и тетя, бабушкина невестка, она тоже работала художницей, вместе с моим дядей на столе писали на этой ткани огромными белыми буквами лозунги, призывы и разные слова, без которых нельзя было идти на демонстрацию.

Еще бабушка стегала людям ватные одеяла. У нее были огромные, длинной с будущее одеяло деревянные пяльцы, на которые натягивался материал в два слоя, между которыми выкладывалась специальная неаптечная серая вата. Потом она доставала вырезанные из газеты выкройки экзотических цветов и разных фигур с завитушками, которые мы с ней укладывали на будущее одеяло так, чтобы было красиво. Фигуры обводили мелом. А потом уже по этим меткам стегалось одеяло. Меня тоже не забывала. Для всех моих разновозрастных целлулоидных кукол она шила настоящие платьица с кармашками, застежками, оборочками, шила им трусики и рубашечки с кружевами. Для самой маленькой – самую настоящую постель с одеяльцем, кружевным пододеяльником. Я не любила играть в эти куклы, они были жесткие и колючие, особенно растопыренные пальцы с острыми кончиками. Но бабушкино шитье меня с ними как-то примиряло. А что еще оставалось делать? Других игрушек не было. Правда, был у меня мягкий коричневый вельветовый мишка с глазами-пуговками. С ним можно было спать, не боясь быть исцарапанной. Его мне подарил дядя Толя, мамин брат. Но его увезла бабушка Наташа в подарок своему любимому внуку Саше, а я долго не могла успокоиться, пока на присланной родителями Саше фотографии не увидела в руках этого Саше своего Мишку.

Оказывается, это сохраняется где-то и живет с тобой всю жизнь, и не только само событие, но и все чувства, эмоции, которые были с ним связаны. Поэтому нельзя обижать детей. Они все помнят.

И еще бабушка любила театр. Ее квартира, в самом центре города, находилась рядом с театром, и во время гастролей бабушка пускала к себе квартирантов – приезжих артисток, которые давали ей билет на спектакль.

Она все готова была отнести в театр. Длинное черное бархатное мамино платье, воротник из чернобурки. Больше у нее для театра ничего интересного не было. Кроме одной вещи, которую она тоже хотела отнести, но вовремя вмешалась мама. Это – старинное пенсне с кнопочкой, сложенное в футляр, который, видимо, носили на шнурке, и который примерно сто лет тому назад разорвался, что в результате и стало причиной того, что сейчас оно лежит в моем ящике. Если надавить на кнопочку, то сложенное пенсне выскакивает из футляра и раскрывается. Его нашел мой прадед, бабушкин папа, который служил ямщиком у купца, возил хозяина в коляске, запряженной тройкой лошадей. Бабушка рассказывала и про отца Софрона, какой он был красивый, статный, курчавый, чуб был виден из-под заломленной на затылок шапки, правил он лошадьми стоя, был подпоясан широким красным кушаком, и про лошадей, разной масти, горячих, быстрых.

Это было ее детство.

Однажды мой прадед вез купца и его гостей, а потом нашел в коляске пенсне, сказал хозяину, а тот ответил, чтобы оставил у себя, вдруг кто-то спросит о пропаже. Но никто не спросил.

Бабушкиной страстью были книги. Она читала толстенные романы, переживала, настолько была увлечена прочитанным, что очень хотела рассказать, поговорить. Чем старше она становилась, тем более толстые книги читала.

Каждый год она в своей квартирке сама делала ремонт. Как она говорила – подводила все под масляную краску, что означало, что стены и потолок она красила масляной краской: стены до потолка – голубой, а потолок белой. Даже мне, маленькой, квартира казалась крохотной. Входная дверь выходила во двор и, если в нормальных домах потом надо подниматься по ступенькам вверх, то в бабушкиной квартире надо было по ступенькам спускаться вниз. Тут же стояла керосинка, на которой мне жарились картошка или неповторимо вкусные оладушки. А потом – пространство в два квадратных метра, из которого вход в большую комнату метров девяти. На этих двух квадратных метрах бабушка осуществила свою давнюю мечту – поставила в этом закутке белую настоящую ванну, которую надо было наполнять вручную ведрами воды, предварительно нагрев воду на керосинке. Для нее самым большим счастьем было полежать в ванне, а потом лечь в белоснежную постель. Потом к ней стали ходить принимать ванну сестры, и она для них готовила воду, чистое белье и угощение, продолжая оставаться заботливой старшей сестрой.

Из большой комнаты, где стояла бабушкина кровать, одна дверь вела в комнатку, где жила семья ее сына, родного маминого брата дяди Толи [танкист, три ордена Красной Звезды, горел в танке во время войны], а другая – в маленькую комнатку, так называемую кухню, где бабушка шила, стояла ее машинка, топили печь и готовили еду. Из кухни окно выходило в противоположную сторону от двора, и однажды летом я вылезла в это окно и была потрясена тем, что увидела. Почти вплотную стоял высоченный красивейший храм, который я никогда раньше не видела, со стороны улицы его невозможно было увидеть, он был закрыт огромным книжным магазином. Позднее я узнала, что это была Церковь Илии Пророка, основанная в конце XVI века, перестроена во второй половине XVIII, и что в ней был крещен в 1758 году Серафим Саровский. Адрес ее – улица Ленина, дом 11 (бабушкин – 13). Видимо, я успела увидеть и запомнить и церковь, и колокольню, которую снесли в 1951 году. Как храм, так и бабушкин дом совсем не пострадали во время немецких бомбежек. А бомбили страшно, налетало до 500 самолетов, весь город был в руинах. И тогда вылезали, как и я, в окно и прятались в церкви. Только после войны узнали, что в ее подвале был большой склад оставленных нашими боеприпасов.

Все другие окна квартиры выходили во двор, он был узким, длинным и темным. По одну сторону – квартиры, по другую – сарай. И только около окон бабушкиной квартиры росли цветы, разноцветные георгины. Двор был каменный, землю для своих цветов бабушка приносила сама. На всех подоконниках тоже стояли цветы, и все цвели. Цветы тоже были бабушкиной любовью.

Сейчас ни бабушкиного дома, ни двора нет, не существует. Градостроители исправили свою ошибку 50-х годов, когда поставили перед церковью огромный длинный серый Дом книги и полностью закрыли ее. Сейчас решили исправить ошибку, пожертвовав бабушкиным домом так, что церковь с улицы теперь видна сбоку, со стороны ее снесенного дома, и в нее можно войти. А на месте художественной мастерской поставили банк с зеркальной стеной, в которой церковь еще и отражается. Наверное, очень красиво.

Итак, мне два года, и мы возвращаемся в родной Курск. А жить нам негде. Мамин брат, дядя Толя, женился и живет с бабушкой. Нам там места нет, и начинаются наши скитания. В городе, послевоенном, разрушенном найти что-нибудь трудно, и мы перебираемся в пригород, где сохранились частные одноэтажные домики.

Помню нашу хозяйку Клавдию Францевну, она была полькой, немцы жестоко на ее глазах расправились со всей ее семьей, убили мужа, дочь и зятя. Остался в живых только сын, который жил в Москве. Мы снимали у нее комнату. Мама не работала и могла топить печь и убирать дом, что хозяйку устраивало. Сама она работала кассиршей в соседней аптеке. Мы с мамой ходили к ней в аптеку в гости, и она угощала меня коробочкой с кисленькими желтыми шариками – витаминками «С». Клавдия Францевна была очень

строгой хозяйкой. Входя в дом, она снимала туфлю с правой ноги и ощупывала пол, чтобы понять, есть ли на полу песок, чисто ли вымыла пол мама. Время от времени она резко менялась, становилась замкнутой, не разговаривала. Мама объясняла это пережитым горем и спокойно ждала, когда она отойдет.

Однажды бабушка Таня принесла мне котенка. У нее самой всегда жил кот, самый большой и самый пушистый на свете, который гулял, где хотел, а после прогулки любил растянуться на белоснежной бабушкиной пуховой кровати прямо на кружевном накрахмаленном и подсиненном покрывале, оставляя после себя большое серое пыльное пятно. Бабушка все это терпела во имя своей любви к кошкам. И как она могла допустить, что у ее внучки нет такого же счастья? Котенок действительно был необыкновенный, полосатый, полоски шли от его носика и расходились веером к ушкам и на головку. Определили его спать около моей кровати на детском соломенном стульчике на подушке.

Утром я проснулась первой, затащила котенка к себе в кровать и стала играть с ним голубой ленточкой, которую вытащила из своей заплетенной косички. Котенок прыгал и пытался схватить ее. Потом проснулась мама, и ей это не понравилось. Все бы ничего, но взбунтовалась хозяйка, и в ближайшее воскресенье она посадила моего котенка в свою плетеную кошелку и повезла на рынок, несколько остановок на трамвае. И там его оставила. Правда, по дороге он испачкал ее кошелку, в которую она собиралась купить на рынке продукты. Это была его маленькая кошачья месть. Мне сказали, как всегда говорят детям, что он маленький, без мамы-кошки ему плохо, и он к ней вернулся. И ты должна не плакать. А, наоборот, радоваться за него. Через несколько дней я вышла во двор и увидела соседских детей, играющих с маленьким котенком. Это был мой котенок. И носик, и полосочки на мордочке веером, и хвостик – все это принадлежало моему котенку. Я побежала к маме с криком, что котенок вернулся. Но изменить ничего было нельзя, выбор был только один: или с котенком на улице, или без котенка, но с крышей над головой. Я думаю, его взял кто-то из соседских детей.

Когда мне исполнилось два с половиной, мама пошла со мной на работу в детский сад. Детей брали с трех, но с мамой взяли на полгода раньше. Клавдия Францевна сказала, что ей нужна неработающая жиличка, чтобы топить печь, и заявила, чтобы мы искали другое жилье.

Послевоенный детский сад. Мама работала медсестрой. Она лечила, делала прививки, отвечала за чистоту, составляла меню и должна была пробовать готовую еду, но никогда этого не делала. Она стеснялась. Было время голодное. Мою воспитательницу, немолодую женщину, которая жила с больной дочерью, уличили в том, что она прятала в печке оставшиеся от нас, детей, недоеденные отрывки хлеба. Ее чудом не уволили. Родители заболевшего ребенка приходили с кастрюльками за его порцией еды, чтобы накормить этой скудной едой всю семью. Но мы в детском саду жили хорошо. Нас кормили три раза, у нас были игрушки и книжки, у нас были цветные карандаши и бумага, нас учили петь хором. Комната была одна. Мы в ней ели за маленькими столиками, здесь же и играли, а для тихого часа воспитательница ставила нам раскладные деревянные кровати с натянутой парусиной, по форме напоминающими раскладные стулья, с которыми в наше время рыбаки ходят на рыбалку. Потом их убирали, и они стояли прислоненными к стенке, огромные, тяжелые. Я не помню, чтобы кого-то обижали, издевались, били. Такого не было. Правда, один раз мама нашла мне на капюшон зеленого плюшевого пальто белый кроличий мех, к вечеру от него осталась только кожа с несколькими ворсинками – каждому хотелось получить мягкий приятный пушок. Но это было совсем не больно.

Платья мне шила бабушка, а вышивала мама. У меня были беленькие фартучки на ляпочках, расшитые вишенками и клубничками. Один фартучек, самый замечательный, помню очень хорошо. Это была кошка с мордочкой посередине, а лапками – ляпочками она меня обнимала. Все придумывала мама.

[Это начало. Весь текст предполагается разместить в Интернете.]

Философский словарь Владимира Шкунденкова

1. Среди неизвестного нам в окружающей нас Природе самым неизвестным является время. Ибо никто не знает, что такое время и как им управлять. – *Аристотель. IV век до н.э.*
2. И ещё признаюсь Тебе, Господи, что я доселе не могу понять, что такое время?.. Душа моя горит желанием раскрыть эту тайну! *Блаженный Августин. Один из главных теологов Западного христианства. V век.*
3. Подпольный человек – главный человек в русской жизни. – *Фёдор Михайлович Достоевский (в записной книжке). XIX век.*
4. Россией управлять несложно. Но совершенно бесполезно. – *Ответ императора Александра II на вопрос: не сложно ли управлять Россией? XIX век.*
5. В глубоком знанье жизни нет. – *Александр Сергеевич Пушкин. XIX век.*
6. Кто хочет погибнуть, погибнет. – *Михаил Юрьевич Лермонтов. «Герой нашего времени». XIX век.*
7. Хитрость мирового разума. – *Георг Гегель. XIX век.*
8. Большинство неправо. – *Надпись на стене в Афинах. V век до н.э.*
9. Не верить ни единому слову. – *Ортодоксальная Каббала. III тысячелетие до н.э. (В интерпретации автора.)*
10. Не делать ничего, что можно не делать. – *Псевдо-Дионисий Ареопагит. Один из главных основателей культуры православия. V век. (В интерпретации автора.)*
11. Смысл жизни лежит вне жизни. – *Главная установка православия. (Сложилось в IV–V веках.)*
12. Умеренному деланию цены несть (нет). – *Монах-старец Амвросий, монастырь Оптина Пустынь (Козельск). XIX век.*
13. Когда будет, тогда пусть и будет. – *Он же.*
14. Всё приходит к тому, кто умеет ждать. – *Лев Николаевич Толстой. XIX–XX века.*
15. Человечество никогда не знало, как ответить на три вопроса: зачем нужны деньги и что такое любовь и красота? А вы, Владимир Николаевич, хотите... *Михаил Григорьевич Мещеряков (ОИЯИ, Дубна). 1980-е годы.*
16. Где вы видели, Владимир Николаевич, чтобы это было уже открыто на Западе? А это значит, что вас не поймут никогда. И вы только получите лишних врагов. Но зачем вам это? Подумайте. Желаю успеха! *М.Г. Мещеряков (ОИЯИ, Дубна). 1980-е годы. При обсуждении темы управления сжатием времени (тогда это связывалось с числовыми характеристиками красоты).*
17. Человечеству грозят три беды: невежество священников, материализм учёных и отсутствие совести у демократов. – *Пифагор (предположительно). VI век до н.э.*
18. Всякая истина крива! – *Фридрих Ницше. XIX век.*
19. Женщины, коровы, англичане, демократы... – *Он же.*
20. Наконец он достиг дна. В ту же минуту снизу постучали. – *Станислав Ежи Лец. XX век. (В интерпретации автора.)*

Ночь на Женевском озере

Фото Марии Вл. Шкунденковой (2005)

.....
Какая странная судьба... Пишу в Женеве. Сердце рвётся на речку Сходню. Никогда она ко мне уж не вернётся.

Вода – тоска. Громада-зверь-тоска в Женеве. Зачем, куда течёт вода? Так трудно верить, что не напрасно. Именно туда. Что жертвы нет. А есть – судьба...

*Владимир Шкунденков
2 февраля 1997 года*

Овраг и река Сходня между городом того же названия и посёлком Подрезково

Здесь был перевал с одной водной системы, шедшей по Днепру из Чёрного моря, на другую, по Волге в Каспийское море и дальше в сказочно богатую Персию. И были устроены две дороги от реки Сходня в сторону реки Клязьма – главная и подрезающая её скрытная. На них собирали налог-мыт с товаров, которые везли итальянцы из Папской Генуи (обогащая Римскую Церковь). Но часть мыта скрывалась от татарских баскаков, контролировавших эти сборы. На эти тайные средства, которые собирались на дороге через Подрезково, предположительно, было собрано русское войско для участия в Куликовской битве. Овраг и протекающая по нему речка помнят это...

Фото Юрия Бабича (2004). МГУКИ (Москва)

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(Институт философии РАН)
109240, Россия, Москва
ул. Гончарная, д. 12, стр.1
тел. (495) 697-91-09
факс (495) 609-93-50

10.03.2016 № 156/

На № _____

Генеральному директору
Европейской организации
ядерных исследований
(ЦЕРН, Женева, Швейцария)
доктору Fabiola Gianotti

Уважаемая доктор Джанотти!

В 1994 году между ЦЕРН и Объединённым институтом ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна, Россия) было заключено Административное соглашение о сотрудничестве в вопросе развития административных и финансовых компьютерных технологий (AIS-технологий).

В 1995 году при поддержке помощника генерального директора ЦЕРН, ответственного за сотрудничество с Россией и Восточной Европой Николаса Кульберга (Nicolas Koulberg) в эти разработки, выполнявшиеся в отделе Administrative Support под руководством Джона Фергюсона (John Ferguson), был внедрён метод сжатия времени (Time Compression), созданный в ОИЯИ в 1973 году Владимиром Шкунденковым, руководителем сотрудничества от ОИЯИ. Метод предполагает конвергенцию естественно-научного и гуманитарного знания. Его применение позволяет сокращать *на порядок и больше* затраты времени (сжимать время – на языке философии) при выполнении прикладных научных разработок.

Адаптированный программистом Джеймсом Пурвисом (James Purvis) к традиционному аналитическому пути выполнения научных разработок западными специалистами, метод сжатия времени при его применении позволил 10-кратно сократить затраты времени при создании в ЦЕРН AIS-систем. О чём свидетельствуют прилагаемые документы.

Владимир Шкунденков и Николас Кульберг начали исследования, направленные на развитие метода сжатия времени, что нашло отражение в их совместной публикации «Иррациональное управляющее начало в научных исследованиях и разработках» (1999 год, ротапринт МГУ им. М.В. Ломоносова). К этим исследованиям был подключен Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН, Москва) в лице его директора академика РАН Вячеслава Стёпина и профессора Владимира Аршинова, которые приезжали в ЦЕРН в 2000, 2002 и 2005 годах по приглашениям от Н. Кульберга для обсуждения применения метода сжатия времени. В 2005 году ИФ РАН и ОИЯИ при участии ЦЕРН (Н. Кульберг) заключили Договор о

научном сотрудничестве по теме исследования эффекта нелинейности времени в человекомерных системах.

Результатом этих коллективных исследований, базирующихся на опыте сотрудничества с ЦЕРН, стало создание в 2014 году ещё более эффективного метода динамического сжатия времени (Dynamical Time Compression). В том же 2014 году в ИФ РАН (Москва) был создан Центр по исследованию проблем конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания (исследованию подхода с управлением сжатием времени).

Мы выходим с предложением о расширении сотрудничества с ЦЕРН в рамках указанного Административного соглашения от 1994 года между ЦЕРН и ОИЯИ с целью применения метода Dynamical Time Compression для поддержки реализации обсуждаемого в ЦЕРН проекта по созданию нового ускорителя с кольцом в 100 километров.

Член-корреспондент РАН А.В. Смирнов
директор Института философии РАН

Академик РАН В.С. Стёпин
Почётный директор Института философии РАН
Президент Российского философского общества

Академик Вячеслав Семёнович Стёпин, директор Института философии РАН (Москва), и профессор Владимир Иванович Аршинов, руководитель отдела проблем философии науки и техники в ИФ РАН, в ЦЕРНе (Женева) в декабре 2005 года

Вячеслав Семёнович в первый приезд в ЦЕРН в мае 2000 года спросил (почему-то грубо и прямо) Джеймса Пурвиса (James Purvis), внедрившего в 1995 году метод сжатия времени в разработки административных информационных систем (AIS-систем – от Administrative Information Services): «Правда ли, что метод Владимира позволяет сжимать время в 10 раз?» Джеймс ответил: «Да, правда». В.С. встал из-за стола и, поздравляя, крепко пожал мне руку. В эту ночь за окном до самого утра бушевала гроза, сверкали молнии и грохотали раскаты грома. А мы с Людмилой пили шампанское, и в моём сердце звучала песня моей комсомольской юности: «По военной дороге шёл в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год...».

* * *

Если нам что-то *нравится*, то в этом *что-то* есть? В нашем коммунистическом прошлом России, когда она стала сильным и гордым Союзом Советских Социалистических Республик, было нечто, что должно было быть? Одним из *иррациональных* доказательств чего и является звучание в наших сердцах необыкновенных песен того времени? Тогда это шло от Вселенной? А у современного коммунистического движения подобных песен в России уже нет...

И мне почему-то кажется, что я знаю правильный ответ, который может дать истинное объяснение прошедшему времени и времени настоящему. В прошедшем коммунистическом времени было управление *движения* (науки и технологии на Западе) в сторону к *красоте*. Эта роль выпала на долю России с её управляющей этим разворотом (через победу в Великой Отечественной войне и с последующим развитием атомной энергетики и выходом в космос) русской культурой. Как сегодня эта же именно наша русская культура привела нас, русских – здесь я говорю о Василии Леонтьеве, Николасе Кульберге (у которого оба родителя русские) и обо мне, к развороту (пока ещё на уровне начального, но при том уже *действующего* «ядра») в сторону конвергенции рационального и иррационального. Со сжатием времени в 10–100 раз! Но в гордости за Россию в тумане прошлого времени мне видятся ещё и строки письма отца...

Женева. 27-километровое кольцо ускорителя «Большой адронный коллайдер», проходящее по территориям Швейцарии и Франции. На переднем плане виден аэродром

Зачем физики строят ускорители? Этот вопрос, как и вопрос о том, зачем вообще нужна наука, «простые» люди задают везде и всегда. Чтобы не брать на себя опасную роль оракула, приведу ответ на этот вопрос, данный в ноябре 2002 года в интервью для российского журнала «Business Match» директором ЦЕРНа по науке, в настоящее время – профессором Оксфордского университета Роджером Кэшмором (Roger Cashmore). Вопрос был поставлен так: «Что предполагается открыть в результате экспериментов на Большом адронном коллайдере?». Ответ Кэшмора: «Понимаю, что ответ прозвучит несколько парадоксально, но по сути точно. Мы предполагаем открыть даже то, чего мы и не предполагали открыть. Такова природа подобных проектов». Мне этот ответ представляется искренним и по существу глубоко верным. Для меня, автора этой книги с названием «Иррациональное управление временем», в ответе, данном Р. Кэшмором, главным является прозвучавшая в нём – *непредсказуемость*. Человек не может спланировать сложную систему (чем и являются исследования на ускорителях) со 100-процентной уверенностью в своём разуме. Другое дело, что при защите сложного и дорогостоящего проекта лидеру приходится проявлять эту уверенность перед теми, кто дают деньги на проект. Как сказал по этому поводу Кэшмор в данном им интервью: «Чтобы быть убедительным, я должен верить в то, о чём говорю». А говорить надо то, во что смогут поверить дающие деньги. В этом драма науки. И драма тех, кто оказался первопроходцем в науке. Получается замкнутый круг: надо заставить себя верить в то, что хотят услышать те, кто дают деньги, а это – знания на прошлом опыте и ремесло. Но не поиски неизвестного. А истинная наука непредсказуемо-иррациональна: здесь требуется *служить неземному*. При невозможности объяснить это тем, кто верит в «чистый разум». Отвечая на вопрос – и что же делать? – сошлюсь на высказывание подметившего решение этого вопроса Достоевского: «Подпольный человек – главный человек в русской жизни». Похоже, Кэшмор тоже был таким.

С о д е р ж а н и е

Стр.

Шкунденков Владимир Николаевич

1. До поступления в Московский энергетический институт	3
2. Учёба на радиотехническом факультете МЭИ (1955–1961)	3
3. Работа с 1962 года в Объединённом институте ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна)	5
4. Избранные книги и фильм в Интернете	12

Приложения

1. Последнее письмо моего репрессированного в 1938 году отца, написанное после его амнистии в 1953 году	12
2. Ксения Титова. ТИГР (рассказ 14-летней девочки)	13
3. Меморандум «Эффект нелинейности времени (Эксперимент в ЦЕРН, Женева, Швейцария)» (Н. Кульберг)	15
4. Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков. Иррациональное управление сжатием времени (Эксперимент в ЦЕРН, Женева, с диалогом русской культуры и культур Запада)	16
Технология управления сжатием времени	17
«Загадка» русской культуры	18
Литература	19
5. Людмила Кучугурная (Лопина) Маленькая моя жизнь (мемуары)	19
6. Философский словарь Владимира Шкунденкова	25
«Какая странная судьба...»	26
7. Обращение к генеральному директору Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария) доктору Fabiola Gianotti	27

Владимир ШКУНДЕНКОВ

Иррациональное управление временем

Издано в авторской редакции

Фото из архива ОИЯИ (Дубна) – Юрия Туманова,
Юрия Бабича (МГУКИ, Москва) и Марии Вл. Шкунденковой.

Компьютерная живопись (скоростной световой карандаш) –
Пётр Гусев (Кимры Тверской области).

Фильм в Интернете «Метод сжатия времени и Большой адронный коллайдер» (2014 год).
Режиссёр Василий Харьковой.

Подписано к печати 24.04.2016 г.
Печать цифровая.
Формат 60x90 1/8 Усл. печ. л. 4. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «ИП Скороходов В.А.»
www.printresolve.com
Заказ № 161

Апрель 2005 года. Банкет в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ) по случаю вручения диплома Почётного доктора МИФИ Николасу Кульбергу, помощнику генерального директора Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария) по связям с Россией и Восточной Европой.

Николас Кульбрг (Nicolas Koulbrg) на фото в центре, справа от него ректор МИФИ профессор Борис Николаевич Оныкий и Владимир Шкунденков

* * *

В книге приведена статья Николаса Кульберга и Владимира Шкунденкова «Иррациональное управление сжатием времени», с изложением в ней результатов применения основанного на конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания (соединения рационального и иррационального) *метода сжатия времени*, применение которого при выполнении сложных научных разработок позволяет *сокращать на порядок и больше* затраты времени и средств.

Метод сжатия времени, основанный на ориентации в русской культуре на устремленность к поисками *красоты* – что есть иррациональное в данном подходе – был внедрён Владимиром Шкунденковым при поддержке Николаса Кульберга в разработки в ЦЕРН административных информационных систем (электронный документооборот и другие системы), применение которых сделало прозрачными работы по созданию ускорителя Большой адронный коллайдер.

* * *

На обороте – график «сжатия времени»
(на практике – в 10–100 раз).

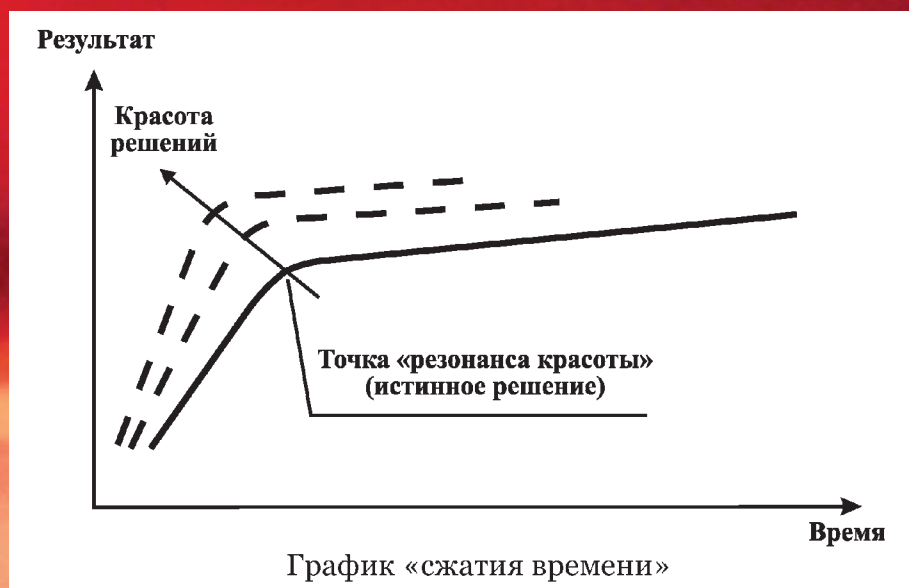
График был опубликован в 1978 году в статье автора «Сканирующий автомат типа АЭЛТ-1 для ядерно-физических и прикладных задач». –

а) ОИЯИ, 1078, Дубна, 1978; б) CERN, Trans. 79-02, Geneva, 1979.

Россия: управление временем во Вселенной

Оружие одиночества

ISBN 978-5-9907734-3-1

